

Военно - Исторический Вестник

Messenger de l'Histoire Militaire

№ 24

НОЯБРЬ 1964 года

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления	2
Библиография	2
Некоторые памятные даты в 1965 году	2
Битльская операция — <i>П. Н. Шатилов</i>	3
27-я пехотная дивизия в бою под Сталлунененом и в сражении под Гумбиненом — <i>Ген.-лейт. К. М. Авариди</i>	7
От Темир-Хан-Шуры до Ахульго — <i>Л. С. Пеньков</i>	12
Последний бой Императорской армии — <i>Н. И. Гранберг</i>	17
На войну. (1914 г.). — <i>П. В. Шапошников</i>	19
Из воспоминаний. (Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка). — <i>В. Е. Скальский</i>	22
М. Х. фон Шульц — современник Лермонтова. — Сообщил <i>Ю. А. Топорков</i>	24
“Привет” Лермонтова. — Сообщил <i>А. В. Щитков</i>	25
Воспоминания морского врача — <i>Я. И. Кефели</i>	26
Русская мобилизация 1914 года — <i>В. С. Хитрово</i>	28
Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 года. — <i>Ген.-м. Б. Н. Геруа</i>	29

●
«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова**.

П А Р И Ж .

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине своего Председателя Илии Николаевича ОПРИЦА, последовавшей 25 августа с. г.

25 августа, в госпитале под Парижем, скончался генерал-майор И. Н. Оприц. 29 числа тело усопшего было перевезено в помещенье музея Лейб-Казакѳв, где была отслужена краткая лития, а затем — на русское кладбище в С. Женевьев-де-Буа для отпевания и погребения.

Илья Николаевич родился в 1886 году. Окончив Пажеский Е.И.В. Корпус в 1906 году, он вышел л.-гв. в Казачий Е.В. полк, в котором и прошла вся его военная служба. Любовь к полку, к его славному прошлому никогда не покидала его. Долголетний председатель Объединения Лейб-Казакѳв, автор книги “Л.-гв. Казачий Е.В. полк в годы революции и гражданской войны, — 1917-1920 г.г.” (Париж, 1939), он отдавал все свободное от работы время на свое любимое дело — устройство и сохранение Музея Лейб-Казакѳв, этого единственного по своему разнообразию и богатству собранию предметов, относящихся не только к истории Казачьего полка, но и к военной и даже к общей истории России.

Один из учредителей нашего Общества, И. Н., с 1946 года, постоянно выбирался в члены Правления. В 1957 году он был избран почетным членом,

а в прошлом году, после смерти кн. Н. С. Трубецкого, председателем Правления. Трудно перечислить все услуги, оказанные им нашему Обществу. Он принимал самое деятельное участие во всех наших выставках, докладах, собраниях, приемах, завтраках, которые устраивались в Музее, и роль его, хранителя Музея, никогда не ограничивалась ролью гостеприимного хозяина: он помогал всегда и словом и делом, не останавливаясь перед самой трудной и неблагодарной работой.

Вечная память этому истинному другу нашего Общества, настоящему любителю, ревнителю и знатоку русской военной старины, скромному труженнику, стяжавшему себе всеобщее уважение и любовь!

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Разсылка и раздача этой медали по заказам, поступившим до 5 июня, закончилась 20 октября. В настоящее время продолжается прием новых заказов, а также раздача и разсылка по заказам, полученным после 5 июня.

Справочный отдел — адреса, сведения об изданиях и медалях — в № 23 «В. И. Вестника», а для членов Общества кроме того в № 36 «Извещения».

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Удивительный письменный исторический памятник создало Объединение л.-гв. Московского полка к 50-летию боя у д. Тарнавка 26 августа 1914 г. — это изданный им бюллетень “Тарнавка” (Париж, 1964. 27 стр.). В нем подобраны интереснейшие материалы, относящиеся к тому небывалому в военной летописи подвигу, какой совершил этот славный полк — открытой лобовой атакой захватил всю действующую артиллерию германского корпуса Войрша. Ряд статей участников этого боя, а также выписки из германского государственного архива делают этот бюллетень серьезным и ценным вкладом в нашу военно-историческую литературу по 1-й Мировой войне.

Ю, Т.

Некоторые памятные даты в 1965 году

- 225 ЛЕТ. — Кончина Императрицы Анны Иоанновны (1693 - 17 октября 1740 г.).
200 ЛЕТ. — Рождение князя Петра Ивановича Багратиона (1765-1812).
175 ЛЕТ. — Кончина адмирала Григория Андреевича Спиридова (1713 - 19 апреля 1790). Победа адмирала Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом у Керченского пролива (8 июля) и у о. Тендра (8 августа 1790). Конец войны со Швецией (1788-1790) и мир в Вереде (3 августа 1790). Разбитие генералом И. И. Германом турецкого корпуса Батал-паши на Кубани (30 сент. 1790). Взятие Суворовым кр. Измаил

(11 дек. 1790).

- 150 ЛЕТ. — Второй поход во Францию (1815 г.).
125 ЛЕТ. — Геройский подвиг рядового Тенгинского пех. полка Архипа Осипова, взорвавшего Михайловское укрепление при взятии его горцами (22 марта 1840). Основание Петровского Полтавского кадетского корпуса (6 декабря 1840).
100 ЛЕТ. — Взятие штурмом ген. М. Г. Черняевым Ташкента (15 июня 1865). Основание 2-го Кавказского (17 ноября 1865) и 1-го Туркестанского (19 декабря 1865) саперных батальонов.
50 ЛЕТ. — Второй год 1-й Мировой войны (1915 г.).

Битлисская операция

(ИЗ ЗАПИСОК)

П. Н. Шатилов

В октябре 1915 года я был переведен на Кавказский фронт и назначен начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, которой командовал генерал Абадиев. Эта дивизия после ефратской операции находилась на отдыхе в районе Карса в армейском резерве. Но уже с ноября некоторые полки были выдвинуты на фронт и приданы различным отрядам. Штаб дивизии перешел в Игдырь, имея в своем подчинении в Эриванской долине, вместо четырех, только два полка.

Генерал Абадиев был уже пожилым человеком, но прекрасно сохранился. По происхождению он был православный осетин, ибо население Осетии было наполовину православным, наполовину мусульманским, и даже православные осетины носили мусульманские имена. Так, мой начальник дивизии, Дмитрий Константинович, носил еще имя — Джембулат. Начал он свою службу рядовым, был в Турецкую войну 1877-78 г.г. ординарцем у Скобелева и заслужил три солдатских Георгия. Выдержав офицерский экзамен при Виленском училище, он опять служит со Скобелевым и за боевые отличия при взятии Геок-Тепе в 1881 году награждается золотым оружием. Затем он служил в Конвое Его Величества, благодаря чему служба при Дворе выработала из него вполне светского человека.

Генерал Абадиев прекрасно знал войсковое хозяйство, обращал большое внимание на содержание в надлежащем порядке конского состава, был очень заботлив в отношении казаков. В смысле же оперативного и боевого руководства он больше доверял своему начальнику штаба, особенно в тех случаях, когда ему приходилось командовать отрядами смешанного состава. Он считался очень храбрым офицером и хорошим, строгим начальником.

4-й Кавказский корпус (ген. де-Витта), к составу которого принадлежала наша дивизия, выделив на главный участок шесть пехотных полков и одну казачью дивизию, получив приказание оставшимися силами (4 полка пехоты и 6 полков конницы) перейти на всем своем фронте в наступление. Этим наступлением обеспечивались слева операции главных сил Кавказской армии, кроме того, не давалась возможность туркам перебросить свои войска, находившиеся против нас, на эрзерумское направление. В частности, войска 4-го корпуса должны были овладеть Хнысом и Мелязгертом.

2-го января 1916 г., на главном участке фронта армии, части 5-й Кавказской стрелковой дивизии прорвали турецкий фронт в Пассинской долине у Илми и развивали наступление в глубь турецкого расположения. Турецкий фронт дрогнул и наши корпуса начали их преследовать до самых подступов к

Эрзеруму, т. е. до подножия Деве-Бойнского хребта, на котором находились форты крепости.

Однако наступление 4-го корпуса шло крайне медленно. Весь район до Мушской долины был покинут жителями и селения их были разрушены. Морозы стояли очень сильные, а снег достигал высоты человеческого роста. Противник сопротивлялся слабо, но борьба с природой и с бездорожьем отнимали все силы людей.

Направление на Мелязгерт было много легче пути на Хныс. Поэтому атакующая Мелязгерт колонна, по овладении им, была повернута на Хныс, который она и захватила раньше прибытия туда непосредственно направленного стрелкового полка, изнемогавшего в снегах хребта Аг-Дага.

После разгрома турок на Азанкейских позициях и продвижения наших корпусов к Эрзеруму генерал Юденич приказал командиру 4-го корпуса продолжать наступление и овладеть Мушем и Битлисом.

Ввиду выделения из состава корпуса двух стрелковых полков генерал де-Витт выслал из района Игдыря наши последние полки для выполнения этой поставленной корпусу задачи. Одновременно из Игдыря был вызван штаб нашей 2-й Кавказской казачьей дивизии, который и прибыл 17 января в Каракилису для получения указаний о предстоящих действиях. В корпусе, таким образом, оставалось всего довать стрелковых батальонов и наша казачья дивизия. Кроме того он располагал несколькими ополченскими батальонами слабой боеспособности.

Генерал де-Витт направил колонну генерала Назарбекова с двумя стрелковыми полками от Хныса для овладения Муша, а колонну генерала Абадиева (1 1/2 батальона пехоты, 2 казачьих полка, 2 батареи и 2 ополченских дружины) от Мелязгерта для занятия Битлиса.

К прибытию генерала Абадиева в Мелязгерт части нашей колонны занимали Кара-Кепри, Коп и Мелязгерт. Эта часть высокого Армянского плоскогорья была сильно занесена глубоким снегом. Солнце, почти не заходящее за облака, слепило глаза и мы почти все должны были надевать очки с тусклыми стеклами. Днем на солнце было тепло, но в тени, особенно ночью, холод положительно сковывал руки и ноги. Селения и городки сохранили только на карте свои названия. Жители их покинули или же были выселены турками. Дома не сохранились — они почти все были использованы на топливо. Лишь изредка можно было найти крытое помещение для штаба и часто приходилось писать приказания под открытым небом.

Продовольствие целиком должно было доставляться из тыла. Уже в Мелязгерте мы стали испытывать

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине своего Председателя Илии Николаевича ОПРИЦА, последовавшей 25 августа с. г.

25 августа, в госпитале под Парижем, скончался генерал-майор И. Н. Оприц, 29 числа тело усопшего было перевезено в помещение музея Лейб-Казakov, где была отслужена краткая лития, а затем — на русское кладбище в С. Женевьев-де-Буа для отпелания и погребения.

Илья Николаевич родился в 1886 году. Окончив Пажеский Е.И.В. Корпус в 1906 году, он вышел л.-гв. в Казачий Е.В. полк, в котором и прошла вся его военная служба. Любовь к полку, к его славному прошлому никогда не покидала его. Долголетний председатель Объединения Лейб-Казakov, автор книги “Л.-гв. Казачий Е.В. полк в годы революции и гражданской войны, — 1917-1920 г.г.” (Париж, 1939), он отдавал все свободное от работы время на свое любимое дело — устройство и сохранение Музея Лейб-Казakov, этого единственного по своему разнообразию и богатству собрания предметов, относящихся не только к истории Казачьего полка, но и к военной и даже к общей истории России.

Один из учредителей нашего Общества, И. Н., с 1946 года, постоянно выбирался в члены Правления. В 1957 году он был выбран почетным членом,

а в прошлом году, после смерти кн. Н. С. Трубецкого, председателем Правления. Трудно перечислить все услуги, оказанные им нашему Обществу. Он принимал самое деятельное участие во всех наших выставках, докладах, собраниях, приемах, завтраках, которые устраивались в Музее, и роль его, хранителя Музея, никогда не ограничивалась ролью гостеприимного хозяина: он помогал всегда и словом и делом, не останавливаясь перед самой трудной и неблагодарной работой.

Вечная память этому истинному другу нашего Общества, настоящему любителю, ревнителю и знатоку русской военной старины, скромному труженику, стяжавшему себе всеобщее уважение и любовь!

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Разсылка и раздача этой медали по заказам, поступившим до 5 июня, закончилась 20 октября. В настоящее время продолжается прием новых заказов, а также раздача и разсылка по заказам, полученным после 5 июня.

Справочный отдел — адреса, сведения об изданиях и медалях — в № 23 «В. И. Вестника», а для членов Общества кроме того в № 36 «Извещения».

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Удивительный письменный исторический памятник создало Объединение л.-гв. Московского полка к 50-летию боя у д. Тарнавка 26 августа 1914 г. — это изданный им бюллетень “Тарнавка” (Париж, 1964. 27 стр.). В нем подобраны интереснейшие материалы, относящиеся к тому небывалому в военной летописи подвигу, какой совершил этот славный полк — открытой лобовой атакой захватил всю действующую артиллерию германского корпуса Войрша. Ряд статей участников этого боя, а также выписки из германского государственного архива делают этот бюллетень серьезным и ценным вкладом в нашу военно-историческую литературу по 1-й Мировой войне.

Ю. Т.

Некоторые памятные даты в 1965 году

- 225 ЛЕТ. — Кончина Императрицы Анны Иоанновны (1693 - 17 октября 1740 г.).
200 ЛЕТ. — Рождение князя Петра Ивановича Багратиона (1765-1812).
175 ЛЕТ. — Кончина адмирала Григория Андреевича Спиридова (1713 - 19 апреля 1790). Победа адмирала Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом у Керченского пролива (8 июля) и у о. Тендра (8 августа 1790). Конец войны со Швецией (1788-1790) и мир в Вереле (3 августа 1790). Разбитие генералом И. И. Германом турецкого корпуса Батал-паши на Кубани (30 сент. 1790). Взятие Суворовым кр. Измаил

- (11 дек. 1790).
150 ЛЕТ. — Второй поход во Францию (1815 г.).
125 ЛЕТ. — Геройский подвиг рядового Тенгинского пех. полка Архипа Осипова, взорвавшего Михайловское укрепление при взятии его горцами (22 марта 1840). Основание Петровского Полтавского кадетского корпуса (6 декабря 1840).
100 ЛЕТ. — Взятие штурмом ген. М. Г. Черняевым Ташкента (15 июня 1865). Основание 2-го Кавказского (17 ноября 1865) и 1-го Туркестанского (19 декабря 1865) саперных батальонов.
50 ЛЕТ. — Второй год 1-й Мировой войны (1915 г.).

Битлисская операция

(ИЗ ЗАПИСОК)

П. Н. Шатилов

В октябре 1915 года я был переведен на Кавказский фронт и назначен начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, которой командовал генерал Абадиев. Эта дивизия после ефратской операции находилась на отдыхе в районе Карса в армейском резерве. Но уже с ноября некоторые полки были выдвинуты на фронт и приданы различным отрядам. Штаб дивизии перешел в Игдырь, имея в своем подчинении в Эриванской долине, вместо четырех, только два полка.

Генерал Абадиев был уже пожилым человеком, но прекрасно сохранился. По происхождению он был православный осетин, ибо население Осетии было наполовину православным, наполовину мусульманским, и даже православные осетины носили мусульманские имена. Так, мой начальник дивизии, Дмитрий Константинович, носил еще имя — Джембулат. Начал он свою службу рядовым, был в Турецкую войну 1877-78 г.г. ординарцем у Скобелева и заслужил три солдатских Георгия. Выдержав офицерский экзамен при Виленском училище, он опять служит со Скобелевым и за боевые отличия при взятии Геок-Тепе в 1881 году награждается золотым оружием. Затем он служил в Конвое Его Величества, благодаря чему служба при Дворе выработала из него вполне светского человека.

Генерал Абадиев прекрасно знал войсковое хозяйство, обращал большое внимание на содержание в надлежащем порядке конского состава, был очень заботлив в отношении казаков. В смысле же оперативного и боевого руководства он больше доверял своему начальнику штаба, особенно в тех случаях, когда ему приходилось командовать отрядами смешанного состава. Он считался очень храбрым офицером и хорошим, строгим начальником.

4-й Кавказский корпус (ген. де-Витта), к составу которого принадлежала наша дивизия, выделив на главный участок шесть пехотных полков и одну казачью дивизию, получил приказание оставшимися силами (4 полка пехоты и 6 полков конницы) перейти на всем своем фронте в наступление. Этим наступлением обеспечивались слева операции главных сил Кавказской армии, кроме того, не давалась возможность туркам перебросить свои войска, находившиеся против нас, на эрзерумское направление. В частности, войска 4-го корпуса должны были овладеть Хнысом и Мелязгертом.

2-го января 1916 г., на главном участке фронта армии, части 5-й Кавказской стрелковой дивизии прорвали турецкий фронт в Пассинской долине у Илими и развивали наступление в глубь турецкого расположения. Турецкий фронт дрогнул и наши корпуса начали их преследовать до самых подступов к

Эрзеруму, т. е. до подножия Деве-Бойнского хребта, на котором находились форты крепости.

Однако наступление 4-го корпуса шло крайне медленно. Весь район до Мушской долины был покинут жителями и селения их были разрушены. Морозы стояли очень сильные, а снег достигал высоты человеческого роста. Противник сопротивлялся слабо, но борьба с природой и с бездорожьем отнимали все силы людей.

Направление на Мелязгерт было много легче пути на Хныс. Поэтому атаковавшая Мелязгерт колонна, по овладении им, была повернута на Хныс, который она и захватила раньше прибытия туда непосредственно направленного стрелкового полка, изнемогавшего в снегах хребта Аг-Дага.

После разгрома турок на Азакпейских позициях и продвижения наших корпусов к Эрзеруму генерал Юденич приказал командиру 4-го корпуса продолжать наступление и овладеть Мушем и Битлисом.

Ввиду выделения из состава корпуса двух стрелковых полков генерал де-Витт выслал из района Игдыря наши последние полки для выполнения этой поставленной корпусу задачи. Одновременно из Игдыря был вызван штаб нашей 2-й Кавказской казачьей дивизии, который и прибыл 17 января в Каракилису для получения указаний о предстоящих действиях. В корпусе, таким образом, оставалось всего довать стрелковых батальонов и наша казачья дивизия. Кроме того он располагал несколькими ополченскими батальонами слабой боеспособности.

Генерал де-Витт направил колонну генерала Назарбекова с двумя стрелковыми полками от Хныса для овладения Муша, а колонну генерала Абадиева (1 1/2 батальона пехоты, 2 казачьих полка, 2 батареи и 2 ополченских дружины) от Мелязгерта для занятия Битлиса.

К прибытию генерала Абадиева в Мелязгерт части нашей колонны занимали Кара-Кепри, Коп и Мелязгерт. Эта часть высокого Армянского плоскогорья была сильно занесена глубоким снегом. Солнце, почти не заходящее за облака, слепило глаза и мы почти все должны были надевать очки с тусклыми стеклами. Днем на солнце было тепло, но в тени, особенно ночью, холод положительно сковывал руки и ноги. Селения и городки сохранили только на карте свои названия. Жители их покинули или же были выселены турками. Дома не сохранились — они почти все были использованы на топливо. Лишь изредка можно было найти крытое помещение для штаба и часто приходилось писать приказания под открытым небом.

Продовольствие целиком должно было доставляться из тыла. Уже в Мелязгерте мы стали испытывать

недостаток во всем, особенно в фураже. Колесные обозы поехали привозимый ими фураж и лишь верблюжьи транспорты доставляли нам немного зерна.

Легко сбивая встречавшиеся турецкие части, мы с трудом одолевали суровую природу. Дорог не было никаких — все вокруг было занесено девственным снегом. В течение нескольких дней мы двигались вперед, выбирая не кратчайшие направления, а более удобную для движения местность и к 8-му февраля подошли наконец к Ванскому озеру, к селению Ахлат.

Наша конница несколько дней не имела уже вовсе фуража. Порционный скот почти весь пал в пути. Местных средств не было никаких. Итти дальше всем отрядом не было никакой возможности. Это вынудило генерала Абациева отправить немедленно в тыл почти всю нашу конницу, обе батареи и весь колесный обоз. С нами остались только два батальона, две сотни и два орудия. Ни продовольствия, ни фуража мы уже не имели. Хотя мы и посылали в штаб корпусу просьбы о высылке нам верблюжьих транспортов с продовольствием, но отлично сознавали, что едва ли это получим. Приходилось изыскивать суррогаты.

Уже в первый день нашего пребывания в Ахлате, вернее в его развалинах, мы слышали рубку деревьев. Это казаки рубили тополя, растущие по берегу озера. К поваленным деревьям они подводили лошадей, которые с жадностью глотали древесную кору. Что же касается людей, то для питания оставалось лишь несколько голов скота; его кололи по очереди из числа голов обреченных на падеж... В довершение всех бед — у нас не было ни горсти соли. Сухари были съедены. За всю свою жизнь я не испытывал такого голода, как в это время. Вся пища состояла из вареной говядины без соли.

После дневки в Ахлате мы двинулись в направлении к Битлису. Это был самый трудный день перехода. Приходилось преодолевать невероятные снеговые заносы. Глубина их достигала иногда высоты турецких телеграфных столбов, кое-где еще сохранившихся по дороге. Турки занимали высоты при входе в битлисское ущелье и открыли по нас артиллерийский огонь. Но на него мало кто обращал внимание — борьба с природой была труднее борьбы с турками. Чтобы пробить в снегах дорогу мы высылали по очереди одну из оставшихся у нас двух сотен вперед, и она напором конских грудей расчищала дорогу. Нужно было много волевых усилий, чтобы не прийти в отчаяние и продолжать продвигаться вперед, ища более доступного пути.

Так шаг за шагом, до самого вечера, продвинулись мы, утрамбовав дорогу на шесть-семь верст... Заночевали в поле и с утра начали двигаться дальше. На наше счастье, наши дозорные посланные для разведки путей нашли более удобный путь для перехода и мы на второй день добрались до селения Тодван, находившееся на юго-западной оконечности Ванского озера.

Когда мы подошли к Тодвану, то турки покинули свои позиции при входе в битловское ущелье и отошли вглубь его. Это дало нам большие преимущества. Путь на Муш становился свободным и на него мы могли перенести свою связь с тылом и штабом корпуса, который перешел в Хныс.

Двигаясь от Ахлата на Тодван, мы видели бесконечные обозы населения, уходившего из Мушской долины на Битлис. Своим движением эта масса обозов утончала дорогу и мы теперь могли рассчитывать получить оттуда подкрепление, т. к. Муш к тому времени был уже занят частями генерала Назарбегова. Сохранилась также почти нетронутой и турецкая телеграфная линия, почему я немедленно же послал нашу конно-саперную команду восстановить ее, насколько это представлялось возможным. В Тодване сохранилась хорошо одна из сабель и мы в ней расположили все наши немногочисленные штабы.

Наша разведка, подошедшая к ущелью Битлиса, захватила турецкого аскера, который дал нам довольно ценные сведения о гарнизоне Битлиса. По его данным гарнизон состоял из девяти батальонов и нескольких батарей. С нашими силами мы, конечно, не могли рассчитывать на успех атаки. Это вынудило генерала Абациева просить командира корпуса прислать нам подкрепление по отгрывшимся путям от Муша и от Вана, ибо разведка наша установила, что дорога по южному берегу Ванского озера на Ван была свободна и не была занесена снегом.

Когда мы находились в Тодване, генералу Абациеву было доложено, что ветром только что пригнало к берегу турецкую баржу с пшеницей, но что баржа наполнена водой и вся пшеница пропитана ею. Так как вода в Ванском озере значительно более солона чем морская, то генерал Абациев высказал сомнение в возможности кормить "просоленной" пшеницей наших лошадей. Посланный на баржу ветеринарный врач, вернувшись в штаб, доложил, что давать эту пшеницу лошадям совершенно невозможно, ибо мы рискуем потерять весь наш конский состав. Это вынудило нас поставить к барже караул, с приказанием к ней никого не подпускать.

На следующий день, когда я садился на коня, то удивился, что мои переметные сумы чем-то наполнены. Оказалось, что они полны пшеницей. Я спросил вестового, в чем дело? На это он мне ответил, что всю ночь казаки и солдаты тащили пшеницу из баржи и что лошади ее хорошо едят. Произошло следующее — караул сжалился над лошадьми и не препятствовал забирать для них корм, которого оказалось так много. Ни одна лошадь не заболела и пшеница была распределена между частями к удивлению нашего ветеринара.

Спустя два дня мы получили уведомление из Хныса, что к нам направляется из Муша 8-й Кавказский стрелковый полк и две сотни Лабинского полка, а из Вана — Сунженско-Владикавказский полк, батареи и четыре ополченские дружины.

13-го февраля мы уже связались с лабинским

разведом, а 14-го все посланные нам в подкрепление части сосредоточились в нашем районе. В тот же день мы перешли в наступление на Битлис. План нашего движения был таков. Отряд прибывший из Муша должен был наступать в обход Битлиса справа. Средняя колонна, усиленная полубатареей прибывшей из Вана, наступала в центре на битлисскую турецкую позицию, а левая колонна, прибывшая из Вана, должна была двигаться от Саока на Ваник в обход Битлиса слева.

Наша разведка сообщила, что позиция турок впереди Битлиса находится недалеко от города и что фланги ее упираются в высокие хребты по обеим сторонам ущелья. У самого входа в это ущелье находился большой караван-сарай (огромная каменная постройка, служившая укрытием для караванов в зимнюю погоду), и в него мы сосредоточили наши небольшие тылы и перевязочные пункты.

Наступление наше шло очень медленно из-за необычайно глубокого снега и сильного огня турок. Средняя колонна несла небольшие потери, но труднее всего было наступать на правом боевом участке — снег совершенно не позволял двигаться в намеченном направлении. Левая колонна поднималась на высоты тоже с большим трудом.

Занесяв на позициях, на следующий день мы продолжали наше наступление. Генерал Абадиев со мною находился на среднем участке на батарее, которая очень удачно обстреливала расположение турок и принудила к молчанию одну из их батарей. Но наша батарея была сильно выдвинута вперед и находилась под турецким ружейным огнем. В конце дня командир ее, капитан Семенов, раненый пулей в живот, был эвакуирован в караван-сарай и мы считали, что он не доживет до вечера.

В центре среднего участка наступала Армянская дружина Андроника, которая не могла до самого вечера продвинуться к турецким окопам и несла большие потери. Наши стрелки средней колонны тоже были задержаны огнем турок.

Надежда на выход правой колонны, в обход Битлиса, не оправдалась. 8-й Кавказский стрелковый полк не смог даже подняться на вершину хребта. Остановилась и левая колонна. Наступил вечер и генерал Абадиев приказал отряду отойти в исходное положение, оставив на среднем участке батальон стрелков. Природные условия были против нас, и даже с новыми подкреплениями мы не могли рассчитывать на успех атаки раз не было возможности подняться на горы. Тогда у меня созрел в голове план ночной атаки.

С утра 16 февраля, я выехал на средний участок. Там я нашел командира роты 8-го Кавказского стрелкового полка, поручика Петрова-Денисова, которому я высказал предположение атаковать турок ночью и предложил ему хорошо ознакомиться днем с дорогой ведущей к Битлису, чтобы при ночном наступлении не сбиться с пути. Мы с ним вместе продвинулись, насколько было можно, вперед и стара-

лись ознакомиться с протогнанной впереди дорогой, изучая все ее изгибы. Поручику Петрову-Денисову я сказал, что на него будет возложена задача вести атакующую колонну, почему он должен посвятить весь день обследованию ориентировочных пунктов, наблюдая их с разных сторон. Но мне было уже ясно, что ночью с дороги — вернее довольно широкой полосы, уграмбованной уходящим в Битлис населением и еще не успевшей покрыться свежим снегом — мы не собьемся, так как уклонение в сторону принуждало бы нас погружаться в глубокий снег.

Вернувшись в штаб отряда, я высказал генералу Абадиеву мои соображения в отношении ночной атаки Битлиса. Генерал, очень подавленный неудачей нашей атаки, и казалось, не видевший выхода из создавшегося положения, оставался совершенно равнодушным к моему предложению, в успех которого он не верил. Кроме того он прямо сказал, что не имеет понятия о том, как надо организовать ночную атаку и для этого он желал бы выслушать заключение командира 8-го Кавказского стрелкового полка.

Когда я отдавал распоряжение о вызове командира полка, то мой старший адъютант, капитан Готовцев, услышал о моем предложении атаковать Битлис ночью, подошел к генералу Абадиеву и стал уговаривать его не давать своего согласия на эту атаку. Он вообще, во время нашего наступления мало проявил инициативы и энергии в стремлении выполнить данную нам задачу и не был для меня таким помощником, каких я видел в кавалерийских дивизиях на нашем европейском фронте.

Когда я вернулся к генералу Абадиеву, то он мне сейчас же сообщил, что Готовцев, офицер генерального штаба, как и я, высказался против атаки ночью. Чтобы избавиться от непрошеного противодействия, я отправил его на позицию 8-го Кавказского стрелкового полка и дал ему поручение обследовать подступы на высоты вправо от расположения полка. Поручение совершенно ненужное, но освободившее меня до вечера от помощника "потерявшего дух".

Скоро прибыл командир 8-го полка, который высказался также против ночной атаки и советовал генералу просить усилить его еще 7-м Кавказским стрелковым полком из Муша и совместно с этим полком днем атаковать битлисскую позицию. Я сказал командиру полка, что ночная атака уже решена и что генерал Абадиев просит только доложить ему технику ее выполнения. Генерал молчал. О техническом выполнении атаки ночью командир полка просил доложить позже. Видно было, что опыта у него в этом отношении было не много.

Некоторое время спустя ко мне явился офицер того же полка, мой бывший ученик по Тифлисскому военному училищу, который заявил, что он только что узнал от командира полка, что предстоит ночная атака. Я его хорошо помнил, так как он был одним из лучших моих учеников. Он мне стал гово-

рять, что позволил себе меня беспокоить, пользуясь своим прошлым общением со мной, как ученика и преподавателя, чтобы осветить мне положение. По его словам, полк только что участвовал, при чрезвычайно трудных местных условиях, в кровопролитных боях под Хнызом и на Хомур-Даге, поэтому утомление людей в нем чрезвычайное и он уверен, что для ночного боя у них не будет сил. Мне не пришлось долго возражать моему собеседнику. Я просто спросил его, кто его ко мне послал. Он сознался, что его просил об этом командир полка и некоторые старшие офицеры, которые не сочувствовали ночной атаке. Минут через 20 мой ученик, убежденный мною в преимуществах ночной атаки, вернулся к себе в полк.

Я стал докладывать генералу Абациеву о пресекте приказа для атаки. Он по-прежнему находился в перешителности и мне стоило не мало труда взелить в него надежду на успех. Собрав всех офицеров штаба, я стал диктовать приказ. Когда он был закончен и я дал его на подпись генералу Абациеву, только тогда он стал меня распрашивать о подробностях предстоящего ночного боя. Между тем приказ был подписан и разослан в части.

Сущность приказа заключалась в том, что позади батальона, расположенного в битлисском ущелье, должен был за два часа до рассвета собраться весь 8-й и два батальона 6-го Кавказского стрелкового полка, за которым должны были расположиться две сотни Лабинского полка под командой есаула Бабиева, а за ним наши два орудия. Для прикрытия нашего тыла у караван-сагая, где находились, как я говорил, наши тыловые части, была оставлена армянская дружина Андроника. Бивачные огни должны были поддерживаться всю ночь до рассвета, чтобы скрыть оставление нами наших нечлегов.

К 5 часам утра генерал Абациев был уже со штабом у головного батальона. Я приказал позвать к себе поручика Петрова-Денисова и спросил полковника Чаплинского (командира 8-го Кавказск. стрелк. полка), в каком порядке будет следовать его колонна. Видя полную уверенность поручика Петрова-Денисова в том, что он не собьется с дороги, я указал 8-му полку, впереди которого была поставлена небольшая застава, и следовавшим за ним батальонам 6-го полка двигаться на укороченных дистанциях. Затем я подъехал к генералу Абациеву и доложил ему о необходимости начать наступление.

В глубокой тишине мы двинулись вперед. Генерал Абациев, его штаб и полковник Чаплинский следовали за ротой поручика Петрова-Денисова, который шел с головной заставой. Лабинские сотни и два наши орудия следовали за пехотой.

Половину пути до Битлиса мы прошли, не встретив турок. Только, примерно, в версте от их позиций наша застава столкнулась с турецкой заставой, которую переколола штыками — турки успели сделать лишь несколько выстрелов.

Самый решительный момент наступил. У выехал к Петрову-Денисову. Тот, воодушевленный ликвида-

цией заставы, рвался вперед, но я его остановил и приказал выждать подхода головной роты, так как необходимость в головной заставе миновала. Напротив, надо было теперь приготовиться атаковать турок насколько было возможно большими силами. Колонна подтянулась. Ширина дороги позволяла двигаться во взводных колоннах. Дистанции были сокращены.

Турки видимо не ожидали нашей атаки, даже после выстрелов их заставы, и когда мы подошли к турецкой позиции, то они только тогда, выскочив из двух казарм находившихся по обе стороны дороги, бросались в свои окопы. Сбив штыками турок у дороги из их окопов, мы немедленно направили по батальону в обход турецкой позиции с тыла со стороны города, а есаулу Бабиеву было приказано прескочить город и перехватывать уходивших.

В это время начало светать и стало легче ориентироваться. Было разрешено стрелкам открывать огонь, что до этого времени было категорически воспрещено. Начавшаяся стрельба точно указала расположение турок. В это же время наши стрелки стали подниматься на высоты впереди города, атакуя турок с тыла.

Тогда же нас поразило следующее обстоятельство: в то время как в Битлисском ущелье и в Мушской долине стояла суровая зима и все было занесено глубоким снегом, в самом Битлисе стояла теплая погода и склоны гор обращенные к югу не были даже в снегу. Это нам объяснило, почему турки без сопротивления оставили свои позиции впереди Битлисского ущелья — они перенесли их в район, где подход к ним был крайне легким, оставляя впереди себя глубокий снег и суровую зиму. Такого резкого изменения климата, на протяжении всего нескольких верст, я не видел никогда.

Уже в 7-9 часов утра все позиции турок были нами захвачены без труда. Только на одной из батарей нашим стрелкам пришлось выдержать упорный бой.

Есаул Бабиев перехватывая за Битлисом отдельных людей, высылал разезды по сторонам дороги, ведущей на Сгерг, чтобы препятствовать уходившим туркам пробираться горами. При выходе из Битлиса на юг, он настиг единственный турецкий батальон, успевший выбраться из города при нашей атаке. Есаул Бабиев атаковал его в конном строю, порубил большое количество аскеров и захватил не мало пленных.

Город сохранил небольшое население, почему нам пришлось принять меры гражданского порядка и на первое время населению было указано собраться в американском госпитале до нового распоряжения.

Трофеи наши были значительны. Число пленных достигло пяти тысяч, но среди них было не мало гражданских служащих. Орудий было захвачено 20, но около половины их были пушки устарелого образца. Кроме того были захвачены денежные ящики некоторых частей и штаба турецкого отряда. Захватили мы и большие запасы продовольствия, в том

числе и соль, в которой мы так нуждались. Наши потери за всю атаку не превосходили 25 человек. Утомленный предыдущими действиями наш отряд расположился в северной части города и воспользовался заслуженным отдыхом. Впереди была оставлена бабиневская сотня казаков. Это было все наше охранение.

В первый раз за всю историю России наши войска вступили в Битлис, открыв путь в Мосульскую долину. Уже по резкому изменению климатических условий чувствовалось, что мы вышли из Армянского плоскогорья и вступили в бассейн р. Тигра. Протекавшая через Битлис река была уже его притоком. В своем труде "Мировая война" А. Зайончковский пишет: "Битлис, к западу от Ванского озера, исходный пункт и база турок для наступательных действий в Азербайджан. Значение Битлиса было особенно велико, как узла путей, ведущих со стороны Мосула и Багдада, которые облегчали переброску турецких войск с одного фронта на другой".

Уже в начале ночной атаки генерал Абациев вновь обрел полную бодрость духа. Следуя в голове

колонны, закутанный, как и мы все, от холода в башлык, он не мог не производить на подчиненных сильного впечатления. Несмотря на свои почтенные годы и на большую усталость, он был вместе со своими частями и в самый решительный момент всегда при надобности мог без задержки отдать нужные приказания.

По окончании боя, когда к нам стали поступать со всех сторон донесения о взятых позициях и захваченных трофеях, генерал Абациев, в присутствии многих старших офицеров отряда, обратился к ним и сказал, что победе над турками у Битлиса он и все части отряда обязаны исключительно мне. Только моя настойчивость и умелое проведение операции дали такие блестящие результаты, которых, вероятно, никто не ожидал. Мало того, когда спустя некоторое время он представил меня к ордену Святого Георгия 3-й степени, он не остановился перед тем, чтобы полностью высказать это же в своем представлении. Сам же генерал Абациев был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени и получил его спустя несколько недель.

27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом

(Продолжение)

Ген.-лейт. К. М. АДРИДИ

Неудача 4(17) числа, испытанная дивизией, отход ее за границу и необходимость привести в порядок части, пострадавшие в бою, а также то обстоятельство, что отступление противника с позиции у Гериттена было обнаружено лишь утром 5-го числа, имели следствием то, что она выступила только в два часа дня. Ночевала она в этот день в Дошенен и его окрестностях. Сюда подошел также второочередной Донской казачий полк, командир которого доложил, что он прибыл в распоряжение дивизии в качестве ее дивизионной конницы. Под свежим впечатлением бывшего накануне боя, неудачу которого нельзя было не видеть в плохой связи и разведке вследствие недостатка конницы, известие о прибытии в состав дивизии сразу целого полка вызвало большую радость. Но она продолжалась не долго. Уже на следующий день этот полк покинул дивизию, получив какое-то другое назначение и она осталась совсем без кавалерии, ибо сотня пограничников также выбыла из ее состава.

Распоряжением по корпусу на 6 августа дивизии было назначено дойти до линии реки Роминте, так что предстоял переход километров в 30, но уже на походе это распоряжение было изменено и ей указано иметь ночлег в Эндцунен, выдвинув авангард к Варшлегену и выставив сторожевое охранение на р. Роминте. Изменение это мотивировалось необходимостью дать 20-му корпусу возможность двинуться

уступом вперед, чтобы лучше охватить левый фланг противника.

Произошло также изменение в составе дивизии, и без того ослабленной, а именно было приказано выслать один батальон в распоряжение штаба корпуса. Выбор пал на один из батальонов 108-го пехотн. Саратовского полка, как наименее пострадавшего в бою 4 августа. Батальон этот присоединился к полку уже после боя под Гумбиненом.

Имея Саратовский полк в авангарде, дивизия рано утром 6 числа выступила из-под Ропенена и двинулась через Иолы, Равенен, Реккельн. Таким образом ей приходилось проходить тот район, на котором дрался Оренбургский полк. Так как по пути встречались раненые, не подобранные после боя, а также трупы убитых, было приказано еще раз самым тщательным образом обыскать это поле боя. В попутных деревнях оказалось тоже несколько человек раненых, как русских так и немцев. Их приютили у себя немногочисленные местные жители, которые остались на месте и не бежали при приближении русских войск, как это делало громадное большинство.

На 7 августа была назначена дневка, с целью как говорилось в приказе по армии, подтянуть тыловые учреждения и отставшие части. Находясь с 1 августа в непрерывном походе, делая зачастую большие переходы и выдержав 4-го числа бой, личный и конский состав дивизии, естественно утомился; некото-